

Глава 1

Январь 2023г.

Сердце ликующе подпрыгнуло, а губы сами собой растянулись в улыбке. Я это сделала! Я еду в столицу на конкурс, о котором мечтала всю жизнь. И если мы с девочками постараемся, кто-то из нас наверняка сможет получить грант на обучение в одном из крутых танцевальных колледжей Америки.

Однако не все так сахарно, конечно. Вот глаза Ирки, моей лучшей подруги детства и по совместительству главной соперницы за роль соло, говорили об обратном. Её губы скривились, а взгляд потух, подобно свече, что больше никогда не загорится алым огоньком надежды.

Я с самого начала знала, с первого дня в «Андеграунде», что однажды это случится: выберут кого-то одного из нас, две соло-танцовщицы не могут участвовать в одном номере. По крайней мере, не в таком масштабном конкурсе талантов, туда выбрали только лучших.

Мне было искренне жаль Иру, мы обе тренировались в поте лица, забывая порой о выходных и даже уроках. А ведь на носу поступле-

ние, ЕГЭ, выпускной, институт. Хотя мечта об институте для меня, пожалуй, навечно осталась бы мечтой. Для моей семьи обучение в ВУЗе на коммерческом отделении попросту было не по карману.

Когда хореограф нас отпустила, девчонки шумной толпой ввалились в раздевалку. Кто-то на эмоциях прыгал и кружился, а кто-то едва не плакал, понимая, что больше такого шанса не выпадет.

Ирка зашла самой последней, шаркая ногами. Она открыла свой ящик и долго копошилась там, что на неё в целом было не похоже.

— У тебя упало, — сказала я, поднимая с пола разноцветную резинку. Она взяла ее, но так равнодушно, даже где-то раздраженно, и даже не взглянула на меня. Я прекрасно понимала, что Ирка подавлена, и хотела как-то поддержать ее, сказать хоть что-то, чтобы разделить эту грусть. Поэтому, дождавшись, когда раздевалка окончательно опустеет, я решила завязать разговор.

— Ир, слушай...

— Давай без этого, Орлова, — она вытащила спортивную сумку и, не переодеваясь, громко хлопнула дверцей ящика. Кажется, менять одежду Ира не собиралась.

— Я понимаю тебя как никто другой, слышишь? — я легонько коснулась плеча Иры и выдавила из себя подобие улыбки. Постаралась заглянуть ей в глаза и не разрешиться самой от чувства вины, что грызло внутри. Мне бы безумно хотелось, чтобы в Москву мы поехали обе. Ведь каждая из нас танцевала достойно, но что я могла поделать? Это был конкурс. Я... я утешала себя, что не совершила ничего плохого и не должна корить себя за провал Иры.

— Да плевать мне на твоё понимание! — скинула она мою руку и посмотрела так, будто я вырва-

ла из ее жизни единственный шанс на счастье. Вот именно так и никак иначе. Это был взгляд не той подруги, с которой мы вместе прошли многое. Передо мной будто стоял совершенно чужой человек.

— Ир, ну чего ты? Это же... конкурс, — попыталась напомнить я. — Прошу тебя, давай не будем рушить нашу дружбу из-за чего-то такого. Ты для меня всегда была и будешь очень важным человеком.

— Ой, хватит, — Ирка усмехнулась, да только смех у нее вышел какой-то истеричный, болезненный. И я поняла: нужно время, за минуту сложно осознать, что ты проиграл в битве, в которой сражался всю жизнь. Окажись я на её месте, как бы себя вела? Вряд ли бы смогла даже улыбнуться. И снова этот червячок подавал сигналы, отбивая молотком вины по совести. В какой-то степени мне было неудобно перед Иркой за то, что на конкурс в Москву поеду я, а не она.

— Прости...

— Ты хоть понимаешь, что произошло, Майя?

— Понимаю. Но и ты пойми, — с придыханием сказала я. — У тебя не оборвалась жизнь, родители оплатят обучение в ВУЗе, снимут квартиру, если надо будет. И тот парень... — я заведомо опустила его имя, мы обе и без того знали, в кого была влюблена моя лучшая подруга. — Ты, наконец, сможешь подойти к нему и познакомиться. Возможно, у вас закрутится крутой роман, и тогда...

— Хватит нести чушь! — сорвалась на крик Ира. — Тебя взяли? Поздравляю. А теперь оставь меня в покое.

— Ты серьезно? Ты меня отталкиваешь из-за какого танца?

— Это не какой-то там танец!

— Ира, я прошу тебя... Я... — прошептала я, ощутив, как к горлу подкатывал ком.

— Хватит, я тоже прошу тебя! Не надо этих сцен!

Больше общаться она не собиралась. Схватила сумку и поспешила скорее прочь из раздевалки. И лишь скрип от старой двери, что разносился эхом, а затем громкий хлопок позволяли осознать — я осталась одна. И кажется, не только в тут.

Глава 2

Ситуация с Ирккой выбила во мне всё ощущение праздника, долгожданную эйфорию от предстоящей поездки. Поэтому вместо того, чтобы идти домой, я бродила по вечерним зимним улочкам, слушая, как снег хрустит под ногами. Ветер проникал сквозь тонкую вязаную шапку, и я то и дело морщилась от холода.

Я шла в сторону стадиона, не зная зачем. Наверное, хотелось вспомнить летние деньки, наши с Ирой ранние прогулки. Она заставляла меня вставать в шесть утра, чтобы в половину седьмого уже сидеть на одном из дальних сидений, разглядывая с трибуны парня, о котором мечтала вот уже три года.

Илья Рубцов. Капитан «Черных Ястребов», хоккейной городской команды. Высокий, широкоплечий, улыбчивый брюнет, звезда нашего города. Мы знали о нём если не всё, то, безусловно, многое. Ирка следила за его соцсетями, ездила на все их матчи, в том числе выездные. У неё даже была фужайка с его автографом, оставленным маркером. Она хранила её как драгоценность, не позволяя никому к ней прикоснуться.

Однако за три года Илья ни разу не заметил в яркой, бойкой красотке Ире девушку. Хотя... замечал ли он вообще девушек? Парень, что засыпал и просыпался с клюшкой в руках, казалось, жил одним хоккеем. Я видела в его глазах огонёк, напоминающий мне себя.

И вот каждое утро, невзирая на погоду и праздники, Илья приходил на тот самый стадион, куда я шла зачем-то сейчас. Он бегал даже в дождь. Его целеустремлённость поражала, восхищала в какой-то степени. И нет, я не была в него влюблена. Для меня капитан «Ястребов» оставался лишь человеком, в которого до смерти была влюблена лучшая подруга. Ни больше, ни меньше.

Перейдя дорогу, я оказалась в самом тёмном переулке парковой зоны. Тут работал всего один фонарь, и тот через раз мигал, издавая противное тресканье.

И зачем я вообще сюда пришла?

Пройдя пару метров, мне вдруг сделалось не по себе. Зловещие тени от деревьев, что перекрывали небо зигзагами, треск фонаря и какая-то давящая тишина. Скользкой змеёй по телу прострелило дурное предчувствие.

Мне стало страшно, я вдруг ощутила себя жертвой, которую хищник завёл в ловушку. Не придумав ничего лучше, я развернулась на пятках, однако не успела сделать и шаг, как услышала сдавленный мужской стон.

Прикрыв ладонью рот, я тихо выдохнула, сердце заходило под рёбрами. Последовал ещё один стон, теперь уже более тихий, но явно болезненный, словно кто-то вздыхал от режущих ран.

Замотав головой, я себя уговаривала сделать вид, будто ничего не слышала. Не нужны мне проблемы. Мало ли, там толпа наркоманов или ещё чего! Нет уж, пусть полиция с ними разбирается.

Точно! Вызвать полицию будет правильным действием.

Однако, когда я вытащила телефон, неожиданно перед глазами возник образ раненого человека. А что, если он нуждается в незамедлительной помощи? Что, если полиция не успеет или, чем чёрт не шутит, не найдёт его?

Я скинула с плеч рюкзак в надежде найти там перцовый баллончик. К моему счастью, он лежал на своём законном месте. Вытащив его, я прикусила нижнюю губу, всё ещё не веря, откуда во мне эта глупая храбрость. Ни один здравомыслящий человек не пошёл бы в пасть к тигру, так зачем оно мне надо?!

Передвигаясь осторожно, на носочках, стараясь не создавать лишнего шума, я крепко сжала в кармане баллончик. Он внушал мне лёгкое успокоение.

Послышался ещё один стон, довольно близко. Удивительно, но в округе не было людей. Видимо, глупцов, желающих прогуляться по тёмному переулку, можно было пересчитать по пальцам. Похрабрев или окончательно обезумев, я вытащила мобильник и включила фонарик, подсвечивая дорогу.

А когда моему взору открылась картина: парень сидел неподвижно на снегу, опираясь спиной о дерево, — я окончательно обомлела.

Он был в чёрной балаклаве, которая закрывала всё лицо ниже глаз, и в натянутой низко чёрной кепке, из-под которой не торчало ни одного волоска. Только глаза — блестящие, полные боли — и окровавленные костяшки рук. Одна нога приподнята и согнута в колене, другая неподвижно лежит, словно он не мог или не хотел ею пошевелить.

— Вы... в порядке? — спросила я шёпотом, не приближаясь. Мы находились на расстоянии пары метров, и даже свет от телефонного фонарика почти ничего не давал: маска скрывала подбородок, щёки, губы, нос до самых глаз. Кепка отбрасыва-

ла глубокую тень на верхнюю часть лица. Всё, что я видела, — это глаза и силуэт широких плеч.

— Ухо... — тяжело дыша, прохрипел он. — Дите... И вызо...вите полицию и ско...рую. Но пода...льше отсюда.

— Что?

— Скор...ую... — с трудом выдавил незнакомец.

Да что тут, в конце концов, произошло?!

— Ты встать-то можешь? — я всё-таки приблизилась и наклонилась к нему, хотя колени тряслись от страха.

С неба срывался снег, колючий ветер хлестал по щекам, у меня начали стучать зубы. И если честно, я уже не понимала, от чего они стучали: то ли от холода, то ли от ужаса.

— Вот... — парень вдруг протянул мне телефон. Я растерянно посмотрела на чужую вещь, продолжая кусать от волнения нижнюю губу и боковым зрением поглядывая по сторонам.

— Что?

— Найди там... — он говорил через тяжёлый вздох, слова давались с трудом. Я заметила, как он сжимает рукой живот и морщится. На секунду мне показалось, что где-то я уже видела этот жест — резкое, почти судорожное движение пальцев, — но мысль тут же утонула в панике.

— Кого найти? — взяв мобильник, я с нетерпением ждала ответа.

— Антон... — со стоном выдохнул он. — Дядя Антон. Поз...вони... ему.

— Хорошо, хорошо, — кивнула я и на разблокированном экране дрожащими пальцами попыталась найти контакт.

К великой удаче проблем с поиском не возникло. На том конце сразу взяли трубку — мужской басистый голос задавал вопросы, а я отвечала, стараясь не упустить ничего важного. Когда вызов

сбросился, я протянула телефон обратно и снова огляделась. Проклятое ощущение, что за нами кто-то наблюдает, не отпускало.

— Ты только это... — прошептала я, сидя на корточках. — Держись, ладно? Твой дядя скоро придет, всё будет хорошо.

Я не узнавала свой голос — в нём было столько мольбы и надежды, будто этот человек что-то для меня значил. Но он не ответил. Даже телефон уже почти не держал.

— Эй, не спи, пожалуйста, — я потянулась и накрыла его руку своей ладонью.

— Расска...жи, что... — почти беззвучно прошептал он.

Внутри, казалось, сжался каждый орган, до того мне было страшно. И я снова огляделась.

— Знаешь, я ведь ненавижу темноту, — призналась зачем-то. — Когда я была маленькой, соседские мальчишки заперли меня в старом сарае и никому не сказали. Родители долго искали, а когда нашли, я не смогла ничего рассказать. Испугалась. Я такая трусиха...

— Заб...авно, — с его губ сорвался очередной тяжёлый вздох. — Это так... забав...но...

— А?

Мне хотелось спросить, что он имел в виду, но мы больше не успели обменяться ни словом. За спиной послышались шаги, мелькнул свет фонарей. А потом появился рослый мужчина лет сорока, за ним ещё трое. Они подхватили парня под руки, и он, словно почувствовав, что опасность миновала, отпустил сознание.

Я так и не узнала, кому помогла и помогла ли...

